

1

Всем вам знакома безмерная тоска, что охватывает нас при воспоминании о поре бывшего счастья. Оно миновало безвозвратно, и наш отрыв от него немилосерднее любой разлуки. Тогда нас манит еще сильнее эхо картин: мы думаем о них, как о теле умершей возлюбленной, которое покоится глубоко в земле и теперь словно мираж предстает перед нами во всем своем возвышенном и одухотворенном великолепии. Снова и снова мы страстно алчем в наших грезах коснуться всех моментов прошлого, проникнуть во все его складки. Нам кажется, что не исполнили мы до конца меру жизни и любви, но уже никакое раскаяние не вернет нам утраченного. О, пусть это чувство служит нам уроком в каждый миг счастья!

И еще сладостнее становятся воспоминания о наших лунных и солнечных годах, ког-

да они заканчивались внезапными ужасами бедствий. Только тогда понимаем мы, какой счастливый жребий выпадает нам, людям, когда мы живем год за годом в наших маленьких общинах, под мирной крышей, проводя время за душевными беседами и приветствуя друг друга утром и вечером пожеланиями добра. Ах, мы всегда запоздало осознаем, что именно тогда изливались на нас все успехи точно из бездонного рога изобилия.

Вот так думаю и я о тех временах, когда жили мы у Большой Бухты — лишь в воспоминании предстает передо мной их очарование. Разумеется, тогда мне казалось, что наши дни омрачало множество горестей и печалей, а пуще всего приходилось быть настороже перед Старшим Лесничим. Жили мы поэтому в известной строгости, одевались просто и скромно, хотя никакие обеты и клятвы нас не связывали. Но тем не менее дважды в год мы отдавали должное красной еде — один раз весной, один раз осенью.

Осенью мы пировали как мудрецы и совершали возлияния изысканным вином, благо на южных склонах Большой Бухты обильно произрастал виноград. Когда в вертогра-

дах среди красной листвы и темных гроздей мы слышали шутивную перебранку виноградарей, когда по городкам и деревням начинали скрипеть виноградные прессы и дурмящий аромат свежих перебродивших выжимок стелился над дворами, мы шли к трактирщикам, бочарам и виноделам и пили с ними молодое вино из пузатых кружек. Всегда встречали мы там веселых сотрапезников, ибо земля та богата и прекрасна, в ней процветает ничем не омраченный досуг, а острое словечко и душевное настроение ценятся наравне со звонкой монетой.

Вечер за вечером проводили мы за веселыми пирушками. В эти недели закутаные для маскировки в тряпье сторожа с трещотками и ружьями обходили с рассвета до глубокой ночи виноградники, отпугивая и отстреливая жадных до ягод птиц. Поздно ночью сторожа возвращались с гирляндами нанизанных на бечевки перепелов, дроздов и мухоловок, и очень скоро их добыча, завернутая в виноградные листья и разложенная по блюдам, оказывалась на столе. С удовольствием ели мы и жареные каштаны, и молодые орехи, запивая их новым вином, но самым лакомым блюдом были отменные гри-

бы, на которых местные охотятся в лесах с собаками — белые трюфели, изысканные сморчки и цезарские грибы.

Пока вино было еще сладким, медового цвета, мы дружно сидели за столами, занимая себя задушевными разговорами и панибратски приобнимая соседа за плечо. Однако как только вино начинало действовать и выделять земляные тона, неодолимо пробуждались духи жизни. Тогда случались блистательные поединки, исход которых решало главное оружие — смех; сходились в этих поединках бойцы, отличавшиеся свободомыслием, каковое приобретается только за долгую, не обремененную тяжкими трудами жизнь.

Но превыше этих часов, протекавших в искрящемся настроении, ценили мы тихое возвращение домой по садам и полям в глубоком омуте опьянения, когда на пестрых листьях уже начинала проступать утренняя роса. Пройдя через Петушинные ворота маленького городка, мы видели справа светящийся берег моря, а слева возвышались сиявшие в лунном свете мраморные утесы. Между скалами и морем тянулась цепь покрытых виноградниками холмов, в склонах которых терялась наша тропинка.

С этим путем связаны воспоминания о светлом и поразительном пробуждении, каковое одновременно внушало робость и вызывало светлую радость. Это было похоже на всплытие из глубин жизни на поверхность. Словно пробуждающий ото сна стук, из тьмы нашего пьяного сознания вдруг всплывала какая-нибудь картина — шест с бараньим рогом, который крестьянин втыкает в землю, или желтоглазый филин, усевшийся на конек амбара, или метеор, чиркнувший по своду небес. Мы всегда застывали на месте, словно окаменев, и внезапный холод леденил нам кровь. Потом нам начинало казаться, что мы обрели новое чувство, позволяющее нам обозревать страну; мы смотрели на мир, и глазам нашим была дана сила видеть светящиеся жилы золота и хрусталя под остекленевшей прозрачной землей. Потом случилось чудо — серые и призрачные, подступали к нам исконные духи страны, обитавшие здесь с незапамятных времен — до того, как впервые раздался звон колоколов монастырской церкви, до того, как плуг поднял здесь первый пласт земли. Они приближались к нам медленно, неторопливо, с грубыми одревенелыми лицами, выражение которых

было непостижимым образом одновременно веселым и непередаваемо страшным; и это зрелище одновременно пугало и глубоко трогало наши сердца. Порою нам казалось, будто духи хотят заговорить, но очень скоро они рассеивались словно дым.

Мы молча проходили короткий отрезок пути к Рутовой обители. Когда в Библиотеке загорался свет, мы смотрели друг на друга, и я замечал возвышенное свечение на лице брата Ото. Это зеркало говорило мне, что встреча наша — не плод иллюзии. Не проронив ни слова, мы пожимали друг другу руки, и я поднимался в Гербарий. Мы и потом не говорили об этом.

Наверху я еще долго сидел у открытого окна, радуясь и всем сердцем чувствуя, как материя жизни золотыми нитями разматывается с веретена. Потом над Плоскогорьем всходило солнце и ярко освещало страну до самой границы с Бургундией. Суровые обрывистые скалы и ледники искристо переливались оттенками белого и красного света и, дрожа, отражались в зеленом зеркале бухты.

На заостренном фронте крыши обители принимались хлопотать горихвостки — им надо было кормить второй выводок; птен-

цы тонко попискивали, словно кто-то невидимый точил крошечные ножички. Из прибрежных камышовых зарослей вереницами поднимались утки, а в винограднике зяблик и щегол склевывали последние ягоды. Потом я слышал, как открывалась дверь Библиотеки и брат Ото выходил в сад полюбоваться на лилии.

2

Однако весной мы кутили как последние дураки, так уж искони заведено в той стороне. Мы закутывались в пестрые балахоны, изорванная материя которых просвечивала, как птичье оперение, и вешали на лица твердые маски в виде птичьих клювов. Затем мы пускались в шутовской пляс, размахивая руками, словно крыльями, и продвигались к городку, где у Старого рынка было воздвигнуто высокое Дурацкое дерево. Там при свете факелов начиналось масочное шествие; мужчины шли, изображая птиц, а женщины блистали роскошными одеяниями прошлых столетий. Пронзительными, делано высокими голосами, напоминавшими звук часов с

музыкальным боем, они выкрикивали нам сальные шуточки, а мы отвечали им пронзительным птичьим криком. Из шинков и кабачков, заманивая всю эту по-птичьи оперенную братию, звучала дикая какофония писка флейт, визжавших как щеглы, совиного жужжания цитр и ревущих как глухари на току скрипок, которыми вся эта хмельная корпорация сопровождала свои непристойные вирши. Мы с братом Ото присоединились к черным дятлам, которые отбивали ритм своего марша ударами поварешек по деревянным площадкам; мы вершили шутовской суд и расправу. Пить здесь надо было аккуратно, ибо вино нам приходилось всасывать через соломинку, пропущенную сквозь отверстие клюва. Когда у нас начинали болеть головы, мы освежались прогулкой по садам и могилам возле городского вала, восторгались танцплощадками или, уйдя в сень какого-нибудь трактира и скинув опостылевшие маски, уплетали в компании какой-нибудь разбитной девицы прямо со сковородки блюдо из приготовленных по-бургундски улиток.

Везде до рассвета звучал в ночи сплошной птичий гвалт — в темных переулках и на бе-

регу Большой Бухты, в каштановых рощах и виноградниках, этот крик доносился с украшенных фонариками гондол, скользивших по водной глади; да что там, птицы орали даже на кладбищах, среди кипарисов. И все время, словно эхо этого гомона, был слышен панический крик, отвечавший птицам. Женщины нашего края невероятно красивы и исполнены расточительной силы, которую Старый Застрельщик называет бескорыстной добродетелью.

Знаете ли, не боль и горести этой жизни, но ее мужество и необузданная полнота, когда мы вспоминаем о ней, заставляют нас едва сдерживать слезы. Эта игра голосов до сих пор явственно звучит у меня в ушах, и прежде всего тот сдавленный крик, которым встретила меня на валу Лоретта. Несмотря на то, что ее тело скрывал белый, отороченный золотом кринолин, а лицо пряталось за перламутровой маской, я немедленно узнал ее по грациозным движениям бедер даже в темноте аллеи и притаился за деревом. Я напугал ее диким хохотом дятла и бросился преследовать ее, иступленно размахивая при этом черными рукавами драного балахона. Наверху, там, где в винограднике стоит рим-

ский межевой камень, я поймал выбившуюся из сил Лоретту и, трепеща, обнял ее руками, склонив к ней огненно-красную личину. Когда я, словно во сне и во власти какого-то волшебства, ощутил, как она притихла в моих объятиях, меня вдруг охватила жалость, и я, улыбаясь, сдвинул птичью маску на лоб.

Она тоже заулыбалась и нежно приложила ладонь к моим губам — так нежно, что я в тишине ощущал лишь свое дыхание, веявшее сквозь ее пальцы.

3

Впрочем, в нашей Рутовой обители мы жили — изо дня в день — довольно замкнуто. Обитель стояла на краю мраморного утеса, посередине одного из скалистых островов, которые там и сям попадаются на глаза наблюдателю, разрывая зеленый покров виноградников. Вертоград был обнесен невысокой каменной оградой, а края ветхой стены заросли дикой травой, которая обожает жирный чернозем горных виноградников. Ранней весной здесь цвели синие гроздья мускатного гиацинта, а осенью нас радовал

своими яркими, как фонарики, красными плодами физалис. Однако все время, независимо от сезона, дом и сад были окружены серебристо-зеленым кустарником, листья которого в разгар солнечного дня источали замысловатый аромат.

В полдень, когда от жары сморщивались виноградины, в обители царила освежающая прохлада, и не только потому, что пол на южный манер был выложен мозаичной плиткой, но и потому, что некоторые помещения дома были вырублены в скале. Однако в такие дни я с большей охотой отдыхал, лежа на террасе, и сонно прислушивался к дребезжащему стрекотанию цикад. Потом на сад обрушивались мотыльки, облетавшие зонтики дикой моркови, а среди уступов скал грелись на горячих от солнца камнях перламутровые ящерицы. И, наконец, когда белый песок змеиной тропы вспыхивал раскаленным пламенем, на нее лениво выползали гадюки, и очень скоро вся тропа покрывалась их телами, словно иероглифической вязью. Мы не испытывали перед этими тварями, кои в великом множестве гнездились в расщелинах и трещинах скал, окружавших обитель, ни малейшего страха; скорее они днем доставляли

нам наслаждение своим разноцветным блеском, а ночью услаждали наш слух тонким мелодичным свистом, которым обычно сопровождают их любовные игры. Часто, подбирая полы одежды, мы просто перешагивали через них, а когда собирались принимать гостей, боявшихся змей, то просто отбрасывали их ногами с дороги. По змеиной тропе мы всегда ходили с гостями, взявшись за руки, и частенько я замечал, что ощущение свободы и поистине хореографической уверенности, испытываемое нами на этой дороге, передавалось и им.

Многое содействовало нашим доверительным отношениям со змеями, но, если бы не Лампуза, наша старая кухарка, мы едва ли познакомились бы с их повадками. Покуда длилось лето, Лампуза каждый вечер выставляла для них у входа на кухню серебряный котелок, полный молока, а потом негромким голосом подзывала этих тварей. Тогда из всех углов сада, в последних лучах заходящего солнца, выползали золотистые извивающиеся змеи, светившиеся на фоне чернозема лилейных клумб и подушек виноградного плюща, и выше, в кустах орешника и бузины. Потом эти существа огненным колесом укла-

дывались вокруг котелка и питались дарами Лампузы.

Принося эту жертву, Лампуза неизменно держала на руках маленького Эрио, который поддерживал зов поварихи своим слабым голоском. Каково же было мое удивление, когда однажды вечером я увидел, как это едва научившееся ходить дитя волочило из кухни котелок. Вытащив его на лужайку, ребенок постучал по краю посуды деревянной ложкой, и тотчас из расщелин мраморных утесов со всех сторон поползли, блестя на солнце, красноватые змеи. Словно в кошмарном сне услышал я смех маленького Эрио, стоявшего среди змей на глинистой земле кухонного двора. Гады облепили его маленькое тельце и быстрыми движениями раскачивались своими тяжелыми треугольными головами над его макушкой. Я стоял на балконе, не осмеливаясь окликнуть моего Эрио, как не осмеливаемся мы окликать сомнамбулу, идущего по краю кровли. Но тут я увидел стоявшую в дверях кухни старуху — Лампузу, которая, скрестив руки на груди, улыбалась, и улыбка эта вселила в меня уверенность, что никакая опасность малышу не грозит.